ДВѢ РЕВИЗІИ.

(НЕМИРОВСКАЯ ГИМНАЗІЯ ВЪ КОНЦѢ 40-ХЪ ГОДОВЪ).

Однажды утромъ, пришедши въ гимназію, мы узнали отъ всевѣдущаго директорскаго мажордома, надзирателя Е. И. Корсуна, что въ первомъ часу ночи пріѣхалъ ревизоръ, Матвѣй Матвѣевичъ, и остановился не у директора, какъ это дѣлалось прежде, а въ домѣ, занимаемомъ больницей. „Представленіе" назначено въ 9 часовъ, въ полной парадной формѣ. Разошлась наша учоная братія по квартирамъ, пріодѣлась въ мундиры и собралась въ залу ожидать прибытія г. ревизора.

— Идетъ! идетъ! возгласилъ Ефимъ Ивановичъ, показавшись въ дверяхъ и махая рукой, чтобъ не шумѣли.

Директоръ, не смѣшиваясь съ толпой, выжидалъ незваннаго гостя гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ и, какъ только изъ своей засады замѣтилъ, что Матвѣй Матвѣевичъ шествуетъ въ гимназію *даже* не въ вицмундирѣ, а просто въ черномъ сюртукѣ,—ту-жъ минуту задними воротами прошмыгнулъ домой, сбросилъ мундиръ и явился въ залу въ вицмундирѣ. Его оскорбило такое пренебреженіе ревизора къ цѣлой корпораціи наставниковъ, а еще болѣе къ нему— извѣстному въ цѣломъ округѣ Зимовскому, облачившемуся было въ полную парадную форму для какого нибудь инспектора казенныхъ училищъ.

Представлены мы были ревизору по одиночкѣ, при чемъ онъ держалъ себя съ величайшимъ достоинствомъ, удостоивая разговора только нѣкоторыхъ, лично ему извѣстныхъ учителей, и наставляя правое ухо къ самому рту говорившаго. Должно быть ревизоръ

не пользовался хорошимъ слухомъ, а можетъ онъ дѣлалъ это для большей важности.

И откуда, подумаешь, берется эта важность у людей, облеченныхъ властію и полномочіемъ контролировать дѣйствія другихъ? И что такое былъ ревизоръ? Просто Матвѣй Матвѣевичъ, слонявшійся до полученія должности инспектора, т. е. до 1843 года, впродолженіи 15 лѣтъ, то по канцеляріямъ разныхъ министерствъ, то по типографіямъ. Хотя въ книгѣ „Лицей кн. Безбородка“ образованіе его названо „многостороннимъ“, на томъ-де основаніи, что онъ получилъ его не тамъ, гдѣ получаютъ обыкновенные смертные, а за границей, въ страсбургскомъ университетѣ; но, во-первыхъ, если его образованіе и было многостороннимъ, то оно давно испарилось и выдохлось вмѣстѣ съ французскими духами, вывезенными изъ Парижа, а, во-вторыхъ, мы позволимъ себѣ сильно усомниться не только въ многосторонности его образованія, но даже и въ основательномъ знаніи когда нибудь и какой нибудь науки. О разнообразіи его познаній, вѣроятно, наши педагоги заключили изъ того, что онъ во время ревизій „мѣшался во всѣ предметы“; но вѣдь гимназическій курсъ не Богъ знаетъ какая мудрость, да онъ и того не зналъ. Отправляясь на ревизію, Матвѣй Матвѣевичъ бралъ съ собой всѣ учебники и, идучи въ гимназію, вызубривалъ какую нибудь теорему по геометріи, прочитывалъ страницъ пять изъ исторіи, замѣчалъ годы важнѣйшихъ событій и изумлялъ недальновидное учительство своею „многосторонностію“. Я вполнѣ убѣжденъ, что онъ, кромѣ французскаго языка, ничего не зналъ основательно, кромѣ скандалезныхъ романовъ французской стряпни, ничего не читалъ, кромѣ офиціальныхъ бумагъ за такимъ-то номеромъ и нѣжныхъ billex doux къ кокоткамъ, безъ всякаго нумера, никогда ничего не писалъ и вынесъ изъ заграницы только искусство одѣваться по послѣдней модѣ, шнуроваться, какъ старая дѣва, въ корсеты, чернить волосы, бѣлиться и румяниться, да самый утонченный развратъ, какимъ только славятся чистокровные парижане.

По окончаніи комедіи „представленія“ намъ предложено разойтись по классамъ. Ревизоръ и директоръ остались въ залѣ одни. Между ними было что-то не ладно. Матвѣй Матвѣевичъ видимо придирался къ директору, между тѣмъ какъ за годъ предъ тѣмъ

нашелъ все въ немировской гимназіи въ примѣрномъ порядкѣ. Дѣло разъяснилось послѣ: въ первую ревизію онъ занялъ у директора деньги, въ которыхъ постоянно нуждался; но Егоръ Яковлевичъ не промахъ: онъ взялъ вексель на имя своей супруги, которая, по пріѣздѣ своего мнимаго кредитора, немедленно, черезъ Корсуна, напомнила ему о долгѣ—inde ira.....

Не приступая въ первый день къ осмотру учебной части, визитаторъ принялся за хозяйственную. Общія ученическія квартиры у насъ содержались въ образцовомъ порядкѣ; стало быть, по этой статьѣ не предвидѣлось никакихъ дефектовъ. Но Матвѣй Матвѣевичъ съумѣлъ и тутъ найти недостатки. Осматривая дортуары и переворачивая вверхъ дномъ каждую постель, онъ отыскалъ гдѣ-то клопа.

— Однако-жъ, у васъ въ спальняхъ довольно таки и гадости, обратился онъ къ директору. Смотритъ Егоръ Яковлевичъ, и глазамъ своимъ не вѣритъ: клопъ, дѣйствительно клопъ, живехонькій, откормленный ученическимъ тѣломъ!... Какой для гордости ударъ! Онъ, который не допускаетъ въ „своемъ заведеніи“ ни одного посторонняго атома, онъ, который искалъ пыли на печкахъ и подъ ножками табуретовъ и кроватей, уличенъ въ недосмотрѣ и небрежности по службѣ! Нѣтъ, я отказываюсь вѣрить тому, что-бы ревизоръ нашелъ клопа въ кровати: онъ вѣрно его принесъ съ собой, чтобы досадить Егору Яковлевичу. Чего не сдѣлаетъ человѣкъ, коли захочетъ нагадить своему ближнему?

Ну, да и досталось-же этому несчастному клопу, за одно съ надзирателемъ Мальцовымъ, въ отдѣленіи коего найдено это противное животное!

Едва только вышелъ Матвѣй Матвѣевичъ къ себѣ на квартиру пить кофе, какъ директоръ предался неистовымъ порывамъ бѣшенства. Прежде всего онъ казнилъ клопа: схвативъ большой поварской ножъ, принесенный наверхъ въ числѣ другихъ кухонныхъ принадлежностей для осмотра, онъ пронзилъ его навылетъ и, держа на остріѣ ножа, поднесъ подъ самый носъ штабсъ-капитану Мальцову.

— Василій Ивановичъ, что это? Смотрите, смотрите! понюхайте! приговаривалъ директоръ, тыкая ножомъ подъ самый носъ Мальцову: что это? смотрите!

— Клопъ-съ! отвѣчаетъ Василій Ивановичъ, откидывая назадъ голову, чтобъ уклониться отъ ножа.

— Да вы хорошенько присмотритесь: что это? а?

— Да я вижу, Егоръ Яковлевичъ, клопъ-съ, настоящій, какъ есть, клопъ...

— Понюхайте-же, понюхайте, понюхайте! продолжаетъ наступать на пятившагося къ печкѣ надзирателя, съ тѣмъ-же самымъ отвѣтомъ: клопъ-съ, я вижу, клопъ...

Но какъ ни бѣсновался директоръ, ураганомъ носясь съ клопомъ по всѣмъ тремъ отдѣленіямъ общей квартиры, въ концѣ концовъ онъ долженъ былъ признать себя побѣжденнымъ; а потому, не желая получить замѣчанія отъ попечителя за какое-нибудь ничтожное насѣкомое, онъ перемѣнилъ тактику въ отношеніи ревизора, отсрочивъ уплату по векселю на неопредѣленное время. Иначе, чѣмъ объяснить случившуюся на другой день перемѣну въ обхожденіи визитатора, какъ съ самимъ начальникомъ, такъ и со всѣми прочими чиновниками? Даже все то, что вчера было дурно, на другой день стало хорошо.

Ревизія части учебной состояла въ хожденіи по классамъ на уроки преподавателей, въ слушаніи учительскихъ объясненій и спрашиваніи учениковъ. Мнѣніе г. ревизора о достоинствахъ и недостаткахъ каждаго учителя всегда почти при визитаціяхъ согласовалось съ мнѣніемъ начальника гимназіи: какія очки надѣнетъ онъ визитатору, черезъ такія тотъ и смотритъ на преподавателя. Правъ или неправъ директоръ въ своихъ рѣшительныхъ приговорахъ о способностяхъ учителя, этого ревизоры не старались доискиваться. Дѣйствуя по принципу поддержанія авторитета начальника заведенія всѣми правдами и неправдами, тѣмъ они ставили несчастныхъ тружениковъ внѣ покровительства законовъ. Не разсуждать, а безпрекословно исполнять волю начальства—вотъ все, что требовалось отъ чиновника, желавшаго заслужить хорошее о себѣ мнѣніе высшаго начальства.

У меня ревизоръ былъ въ V классѣ, гдѣ преподавалась тогда пресловутая риторика Кошанскаго, которую я, по возможности, замѣнялъ собственными записками. Въ присутствіи именитаго гостя, мнѣ пришлось читать о судебномъ краснорѣчіи въ Римѣ. Для образца этого рода ораторскихъ рѣчей я избралъ рѣчь Цицерона

pro Milone. Желая познакомить своихъ слушателей съ обстоятельствами дѣла, вызвавшими этотъ замѣчательный уголовный процессъ, я коснулся, на сколько было нужно, республиканскаго образа правленія въ Римѣ, стараясь нагляднѣе представить жизнь древняго римлянина; затѣмъ приступилъ къ изложенію содержанія самой рѣчи и прочелъ изъ нея, по переводу Гриневича, лучшіе отрывки.

По моему крайнему разумѣнію, лишняго я ничего не сказалъ, какъ говорится, не проговорился; между тѣмъ, г. ревизоръ сдѣлалъ мнѣ конфиденціальное замѣчаніе, якобы за высказанное мною сочувствіе къ республикѣ, чего никоимъ образомъ нельзя допускать въ русскомъ учебномъ заведеніи, и въ особенности такомъ, гдѣ большинство учащихся состоитъ изъ поляковъ, которымъ слѣдуетъ внушать мысли въ духѣ православія, самодержавія и народности.

— Это, милостивый государь, основы нашего могущества и благосостоянія, да-съ!—заключилъ ревизоръ свое наставленіе и зачавкалъ губами, для большаго апломбу.

На другой день послѣ этого Матвѣй Матвѣевичъ уѣхалъ. До первой станціи, т. е. до города Липовца, отстоящаго отъ Немирова на 35 верстъ, г. ревизора, неизвѣстно для чего, сопровождалъ надзиратель Корсунъ, помѣстившись на запяткахъ вмѣсто лакея, въ форменномъ вицмундирѣ.

Бывшая при мнѣ въ немировской гимназіи другая ревизія немножко покурьезнѣе. Къ намъ прибылъ, скоро послѣ своего назначенія, попечитель округа, генералъ-маіоръ Траскинъ.

Первый дебютъ его на совершенно незнакомомъ ему поприщѣ —пріемка построеннаго гр. Браницкимъ для гимназіи зданія въ м. Бѣлой-Церкви. Сначала, говорятъ, генералъ, по своему обыкновенію, сильно раскричался, найдя капитальные недостатки въ постройкахъ; но потомъ, когда главноуправляющій графскими имѣніями Пржесмыцкій, подвезши его къ зданію на лихой четвернѣ заводскихъ лошадей, которыя его превосходительству очень приглянулись, предложилъ вопросъ: какъ вы полагаете, генералъ, вывезетъ-ли эта четверка бѣлоцерковскую гимназію, или нѣтъ?

— Пожалуй, что вывезстъ, отвѣчалъ генералъ и расхохотался остроумной выходкѣ Пржесмыцкаго.

Зданіе найдено во всѣхъ частяхъ удовлетворительнымъ, хотя многаго-бы еще можно было пожелать для приведенія его въ надлежащій видъ; но за то Траскинъ уѣхалъ въ Кіевъ на собственной четверкѣ.

Занимая, до своего назначенія попечителемъ, должность начальника штаба на Кавказѣ и совершенно незнакомый съ устройствомъ учебныхъ заведеній гражданскаго вѣдомства, генералъ Траскинъ, приступивъ къ осмотру гимназій ввѣреннаго ему округа, вообразилъ, что онъ дѣлаетъ смотръ войскамъ. Мужчина чудовищно-тучный, съ рыканіемъ льва вмѣсто обыкновеннаго человѣческаго голоса, онъ могъ-бы навести страхъ на самыхъ неустрашимыхъ воиновъ, а не то что на насъ, смиренныхъ педагоговъ, у которыхъ и душа въ пятки ушла, какъ только послышался на гимназическомъ дворѣ зычный голосъ его п-ва.

— Я всю подноготную узнаю! Нѣтъ, братъ, меня не проведешь— дудки! да! я всю подноготную узнаю!

Такъ оралъ генералъ, идя по двору въ классы, въ сопровожденіи директора, разумѣется, въ полной парадной формѣ.

— Не прикажете-ли, в. п-во, представить вамъ чиновниковъ ввѣреннаго мнѣ заведенія? смиренно спрашивалъ директоръ.

— Не нужно мнѣ вашего представленія. Маршъ по своимъ мѣстамъ! Я ихъ тамъ ужо! Я всю подноготную узнаю!

Всѣ имѣвшіе уроки учителя въ припрыжку поспѣшили каждый вскочить въ свой классъ, и тамъ ожидали рѣшенія своей участи.

— Съ какого класса, ваше п-во, угодно будетъ вамъ начать ревизію: съ перваго или съ седмаго? спросилъ директоръ.

— Разумѣется, съ перваго; нечего и спрашивать.

Вошли въ первый классъ. Генералъ прямо полѣзъ на каѳедру и, охая, сѣлъ на учительскій стулъ, сильно подъ нимъ затрещавшій: онъ уже утомился, не приступая къ ревизіи, и едва доползъ до стула.

— Что у васъ тутъ? обратился ревизоръ къ учителю Казиміру Петровичу Чарнецкому (это былъ послѣдній изъ могиканъ прежнихъ польскихъ школъ, какимъ-то чудомъ уцѣлѣвшій).

— Латынскій языкъ, ваше п-во, отвѣчалъ тотъ, кланяясь въ поясъ.

— Подавай сюда латынскій языкъ! рявкнулъ сердито генералъ.

— Вашему п-ву угодно будетъ самимъ вызвать ученика? спрашиваетъ директоръ.

— Вотъ еще что выдумали! вызывайте сами! обратился онъ къ учителю, не поворачивая головы къ директору.

Чарнецкій вызвалъ что ни на есть лучшаго мальчугана, который, не робѣя, могъ отвѣчать па какіе угодно вопросы.

— Угодно вашему п-ву предложить вопросъ? опять спрашиваетъ директоръ.

— Да что вы ко мнѣ пристаете? Неужели я самъ долженъ экзаменовать ученика, когда учитель на лицо? Ну, спросите этого пузыря! обратился генералъ къ Казиміру Петровичу.

— Просклоняй намъ mensa, вопрошаетъ учитель.

— Nom. mensa, gen. mensae, dat. mensae, accus. mensam, abl. mensa, отбарабанилъ, не переводя духу мальчуганъ.

— Да ты, братецъ, лучше меня по латыни знаешь! похвалилъ его генералъ.

Поощренный такой похвалой Казиміръ напъ, искрививъ нижнюю губу во что-то похожее на улыбку и держа весь корпусъ на перевѣсъ, обратился къ генералу:

— Ваше п-во! Онъ и множественное число умѣетъ — прикажете просклонять?

— Довольно, довольно! застоналъ генералъ: уморили вы меня совсѣмъ!...

Вслѣдъ затѣмъ затрещалъ учительскій стулъ. Генералъ съ усиліемъ приподнялся и вышелъ изъ класса, въ сопровожденіи директора.

Въ томъ-же родѣ производились испытанія и въ другихъ классахъ. Значитъ, сдержалъ свое генеральское слово: узналъ всю подноготную!

— У васъ что такое? обратился генералъ ко мнѣ, ввалившись въ VI классъ и занявши мое мѣсто на каѳедрѣ.

— Логика, ваше п-во! отвѣчалъ я, придерживая шпагу.

— Лоика, лоика! передразнилъ меня генералъ: а подавайте сюда лоику!

— Сегодня, ваше пр-во, мы занимаемся силлогизмами.

— Силлоизмы, силлоизмы! опять передразнилъ меня: а ну-ка, силлоизма!

Замѣтивъ, что г. визитаторъ не изъ серьёзныхъ людей, а любитъ больше курьёзы, я, потѣхи ради, заставилъ одного ученика составить *рогатый* силлогизмъ, другаго—*плѣшивый*, третьяго—*кучу*, такъ что мой генералъ животикъ надорвалъ, пока не переслушалъ всѣхъ этихъ софистическихъ фокусовъ.

— Довольно! Уморилъ меня совсѣмъ! завопилъ генералъ и двинулся по корридору, едва передвигая ноги, въ VII классъ.

Окончивъ такимъ манеромъ ревизію учебной части и узнавъ всю ея подноготную, генералъ велѣлъ распустить учениковъ по домамъ. Во время выхода учениковъ изъ классовъ, онъ обратился къ директору съ вопросомъ: скоро-ли подадутъ въ общихъ квартирахъ обѣдъ? Директоръ отвѣчалъ: какъ прикажете—хоть сейчасъ.

— Но не угодно-ли вашему пр-ву, пока подадутъ обѣдъ, осмотрѣть нашу библіотеку и физическій кабинетъ?

— А гдѣ у васъ физическій кабинетъ?

— Въ зданіи общихъ квартиръ, на второмъ этажѣ.

— Ахъ, зачѣмъ вы туда его запровадили? скорчивъ кислую мину, упрекнулъ генералъ директора.

— Учитель, ваше п-во, нашелъ, что тамъ кабинету удобнѣе, такъ какъ при немъ устроенъ классъ для физическихъ опытовъ, пояснилъ директоръ.

— Учитель? учитель? крикнулъ во все горло генералъ, уставлясь на меня своими буркалами: учитель долженъ лоику позабыть, коли начальникъ приказываетъ.

Вѣроятно, смѣшавъ физику съ логикой, генералъ накинулся на меня, принявъ меня за того вольнодумца, который позволилъ себѣ разсуждать, что физику необходимо читать въ самомъ кабинетѣ. Я промолчалъ, считая безполезнымъ разъяснять генералу такое уморительное qui pro quo. Это-бы, конечно, долженъ былъ сдѣлать г. директоръ, но онъ до того восхищенъ былъ генеральскимъ афоризмомъ, что даже въ его присутствіи не удержался прогуляться на мой счетъ: подавшись корпусомъ въ мою сторону, онъ сказалъ съ ѣдкою улыбкой: „слышите, слышите М. К., что говоритъ г. попечитель? Учитель долженъ логику позабыть, коли начальникъ приказываетъ. Примите это къ свѣдѣнію“!

— Обѣдъ готовъ, что-ли? зарычалъ генералъ, держась обѣими руками за животикъ.

— Если, ваше п-во, прикажете, я велю позвонить.

— Да я-же вамъ говорилъ уже, что пора.

Раздался звонокъ, и генералъ, кряхтя, отправился на 2-й этажъ. Началъ онъ съ перваго отдѣленія, гдѣ обѣдъ былъ попроще; съѣлъ тамъ всѣ три блюда пробной порціи, крякнулъ и перешелъ во 2-е отдѣленіе, гдѣ тоже скушалъ пробную порцію съ аппетитомъ; а когда пришелъ въ 3-е отдѣленіе, гдѣ обѣдъ былъ сравнительно превосходнѣе, то пробной порціи оказалось ему мало, и онъ потребовалъ къ послѣднему блюду прибавки.

Уписавши съ Божіей помощью три обѣда, генералъ до того отяжелѣлъ, что уже не могъ произнести ни одного слова, съ великимъ трудомъ сошелъ съ лѣстницы, сѣлъ въ коляску и отправился въ палацъ, гдѣ, по приглашенію гр. Браницкаго, онъ имѣлъ квартиру на время ревизіи. Тамъ, спустя часъ съ небольшимъ, ему предложили завтракъ и онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, кушалъ преисправно. Наконецъ многотрудный для его пр-ва день закончился въ 6 часовъ отличнымъ обѣдомъ, котораго menu согласовалось съ гастрономическимъ вкусомъ такого небывалаго гостя, на котораго паны, страдающіе вѣчнымъ катаромъ желудка, смотрѣли съ завистью, удивляясь невиданному ими аппетиту русскаго генерала.

Въ день отъѣзда попечителя, директоръ отправился въ палацъ прощаться. Съ увѣренностью человѣка, у котораго все идетъ отлично, Егоръ Яковлевичъ обратился къ его п-ву съ покорнѣйшею просьбою высказать ему свое мнѣніе о результатахъ ревизіи, чтобы, воспользовавшись замѣченными недостатками, на будущее время еще больше усовершенствовать „свое заведеніе". Генералъ, вообще не любившій, когда тревожили его умственный покой и требовали отъ его мозговъ какихъ-нибудь соображеній, смотрѣлъ осовѣлыми глазами на директора, стараясь хоть что-нибудь припомнить изъ того, что онъ видѣлъ въ гимназіи, и первое, что ему взбрело на мысль, онъ и поставилъ на видъ назойливому прохвосту.

— У васъ въ больницѣ часы стоятъ, а вѣдь этого, батенька, допустить нельзя: больные по часамъ лѣкарства принимаютъ-съ. Вотъ вамъ и все, что я замѣтилъ, больше не спрашивайте.

Да, все! какъ-бы не такъ! О, если-бы вы, ваше пр-во, дѣйствительно узнали всю подноготную не на словахъ, а на дѣлѣ, еслибы вы соблаговолили покопаться въ закулисномъ мірѣ, прикрытомъ снаружи красивыми декораціями: вы бы нашли тамъ всѣ тѣ машины, колеса, веревки и другія орудія, которыми нашъ ловкій фокусникъ незримо приводитъ въ дѣйствіе свой кукольный театръ, исполняя во время самаго дѣйствія то шутовскую роль полишинеля, то самаго дьявола, исконнаго врага всего, что носитъ названіе правды, добра и справедливости. Полюбовавшись красивыми декораціями „его заведенія“, вы только замѣтили остановившіеся часы и то только потому, что они замедлили время насыщенія вашей неизмѣримой утробы, а еслибы вы заглянули за кулисы, вы-бы спросили: куда дѣваются экономическія суммы, скопленныя всѣми правдами и неправдами? Куда дѣвались серебрянныя, 84 пробы, ложки, внесенныя втеченіе 10 лѣтъ воспитанниками, при поступленіи въ общую квартиру? Вы-бы узнали, что они хранятся въ директорскихъ сундукахъ и еще недавно, во время всеобщей паники, наведенной на мѣстечко разбойничьей шайкой Рахальскаго, два сундука съ ложками были спрятаны церковнымъ старостой Корсуномъ въ гимназической церкви въ алтарѣ, подъ престоломъ. Вы-бы наконецъ узнали, сколько пущено по міру подрядчиковъ общей квартиры, гдѣ обѣды вамъ такъ понравились. Вы-бы узнали, какую пытку претерпѣваютъ служащіе подъ начальствомъ этого проходимца, въ какомъ состояніи находится нравственность учащихся, какъ плохо идетъ учебная часть, благодаря тому обстоятельству, что г. директоръ боится бриться острыми бритвами, а пользуется тупыми, старыми и зазубренными.

М. К. Чалый.